

НАДЕЖДА ЛИМОНОВА

ПОБЕГ

Надежда Лимонова

Побег

«Издательские решения»

Лимонова Н.

Побег / Н. Лимонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937294-9

Небольшая притча, дневник человека, попавшего в необычные обстоятельства. Немного тайны, немного мистики. Неторопливое мирозерцательное повествование.

ISBN 978-5-44-937294-9

© Лимонова Н.
© Издательские решения

Содержание

Утро	7
Потомство1	9
Липовая аллея3	10
Другой	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Побег

Надежда Лимонова

© Надежда Лимонова, 2018

ISBN 978-5-4493-7294-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Древние говорили, что время – река. Они были мудры – древние... Время действительно оказалось рекой, и некто смог запрудить его, поставить плотину. Теперь время – тихий гладкий водоем. Над ним восходит и заходит солнце, иногда что-то бурлит в глубинах его, но нас, простых смертных, это движение почти не задевает. Каждый следующий день – предыдущий. Листва опадает и нарождается, цветы распускаются и вянут. Но люди... Люди исключены из общего круговорота. Наверное, мы даже добились бессмертия, но видит... Бог, наверное, не такого бессмертия мы хотели. Да и не добивались мы его вовсе.

Хотя, в нашем нынешнем положении сейчас сложно разобраться. Может и добивались. Может вовсе и не пришельцы задумали сделать нас поголовно счастливыми. Может и не всех нас. Но буду говорить о себе. Что происходит сейчас с другими представителями человечества, я не знаю. Мое личное счастье – вещь несомненная. Но, по-порядку...»

Человек в белом лабораторном халате сидит в светлой комнате, залитой солнцем. Перед ним – длинный узкий стол светлого пластика. Вдоль стен на столе – приборы, колбы и инструменты. За спиной – другой стол, также стоящий вплотную к стене. На столе в строгом порядке расположено множество ящичков с рассадой. Аккуратные ящички, полные земли, песка или иного грунта, в некоторых поднимаются нежные зеленые ростки. Два ростка вьются вверх по прозрачным струнам. Плотными невысокими перегородками стол разделен на три зоны: растения первой зоны, свободно освещаемы солнцем, падающим из окна; растения второй зоны – закрыты от прямого солнечного света; растения третьей зоны с трех сторон скрыты в тени.

Между столами, по левую руку человека – большое окно. На широком подоконнике тоже стоит рассада. Напротив окна в другом конце комнаты, метрах в четырех, дверь. Рабочий стол оканчивался аккуратным умывальником.

За окном высокое небо с небрежными белыми мазками облаков, внизу зеленый, чуть тронутый осенью лес. Человек встал, повернулся к окну, покрутил колесо тумблера, и оконное стекло будто растворилось. В помещение теплой волной вкатился воздух, пахнувший свежестью, прелой листвой, лесом. Шелест листвы, птичьи трели, шорох веток – раньше в кабинете было тихо. Человек оперся о подоконник, смотрел и слушал. Прошло около пяти минут, и за его спиной что-то пискнуло. Человек обернулся. На мониторе красным мигала цифра: +19. Человек еще раз вздохнул полной грудью и повернул тумблер. Звуки исчезли, и лишь терпкий лесной запах носился по кабинету. Монитор перестал мигать, послышался легкий щелчок заработавшего кондиционера.

Человек только хотел сесть за стол, как дверь пошла рябью. Никто не вошел. Да и не должен был. Человек встал, аккуратно повесил халат

на спинку стула, помыл руки в умывальнике, и исчез в светящейся мембране. Тетрадь осталась открытой.

Когда-то у него было имя, фамилия, год рождения, закрепленный в паспорте, прописка. Сейчас у него не было ничего. Его именем с конца времен никто не пользовался, год рождения был бессмыслен, потому что никто теперь не мог сказать, сколько именно времени прошло с тех пор, как он последний раз отмечал день рождения. Место прописки тоже не имело значения, потому что он не знал, где находится. Он не потерял памяти, нет. Он отлично помнил своих родителей, город, где родился. Мог без запинки произнести длинное название высшего учебного заведения, которое закончил с немалым успехом. Помнил, как выглядела его жена и при каких обстоятельствах произошло их знакомство. Но все это не имело смысла. Это прошло, и большое нет никакого шанса вернуть все, да и желания тоже нет. То, что раньше казалось невыносимым – стало естественным.

Время, предшествовавшее настоящему моменту, в мыслях человека – отсев, он помнил более смутно. И все же придется заставить его вспомнить, ибо его воспоминания – драгоценны. Воспоминания эти для нас – его предков-потомков, его читателей, могут быть ключом к той двери, которая еще не закрылась. Нам придется заставить его, застывшего в своем тихом одиночестве, как муха в янтаре, двигаться сквозь тягучую янтарную субстанцию личного счастья. Если нужно, мы будем жужжичать. Если придется, мы залезем в самую его голову, и запишем мысли за него. На его несчастье, он имеет ясный ум и хорошую память, нельзя не воспользоваться нам такими богатствами. Один раз мы уже сжульничали – мы положили на чистый стол его солидную толстую тетрадь, девственно чистую, и тонко пишущую ручку, такую удобную и практичную, что не было никакой возможности уйти от соблазна мемуаристики.

Нам неизвестно, как он поведет рассказ, а так как имя его помнит только он, мы будем называть его просто человек, ведь других человек, если не выйдет случайности, встретиться не должно.

«Третьего дня собирался писать о себе, и понял, что писать, в сущности, нечего. Стоит описать один день, и в конце отправить читателя в начало книги. Читателя... какого читателя? Откуда взяться читателю? Но, с другой стороны, разве это важно. Разве дневники пишут для читателей? Итак, отправить в начало книги... Писали же разные люди произведения с названиями «Один день Такого-то», или «Жизнь Этого-то», и я напишу один день. Свой, невыдуманный. Надоест – брошу.

Утро

Моя спальня (теперь у меня есть личная спальня, личная кровать и даже личный гардероб, насколько тут вообще что-то может быть личным, включая жизнь). Так вот – моя спальня – небольшая уютная комната без окон. Точнее – в ней есть одно окошко, но находится оно высоко под потолком – это скорее вентиляция, чем окно. И все же, каждое утро я вижу луч солнца, скользящего по противоположной стене. Вечером через это же окно вижу красные отблески заката. В лунные ночи на стену падает длинная белая полоса. Надеюсь, я все-таки на земле.

Кровать моя невелика, белье всегда свежее, одеяло – теплое и мягкое. Подушка в меру высокая. Матрас в меру упругий. Спина, во всяком случае, болеть перестала, а ведь в той жизни я думал, что до гроба буду маяться. Рядом с кроватью – тумбочка, на тумбочке – лампа с зеленым абажуром. В ногах – шкаф с одеждой. Рубашки и белье лежат аккуратно на полках, костюмы висят на вешалках. Никогда не думал, что смогу поддерживать такой безукоризненный порядок в своем жилище. Раньше для того, чтобы найти любимую футболку, приходилось перерывать все полки, а потом звать жену. Она ворчала, что я все испортил, весь ее порядок, нервно выкапывала откуда-то мятую футболку и запиховала вещи в шкаф как попало в раздражении. Сейчас все просто. Я знаю что и где лежит, и порядок этот неизменен, потому что некому нарушать.

Гардероб мой теперь ограничен и функционален. Нет любимых футболок, нет уютных заношенных штанов, нет лоснящегося халата. Есть несколько пар одинаковых, одинаково чистых, смен белья, трое, кажется, брюк, свежая рубашка каждый день, и три свитера разных расцветок: кофейный, серый и темно-синий. Они – главное разнообразие моего гардероба. Кто приводит мои вещи в порядок – не знаю. Наверное, машина. Потому что ни разу не замечал я небрежности, характерной для человека, ни разу не получал таинственных посланий в карманах, ни разу не отыскивал длинного женского волоса. В нашей настоящей жизни это – единственное, что один человек может передать другому, единственный знак... Впрочем, не сказать, что знаки эти нужны мне, они меня скорее напугают. И будет у меня тема для нового дневникового рассказа... если я осмелюсь об этом написать.

Единственная дверь в моей комнате ведет, как и все двери в этой жизни, туда, куда положено по расписанию. Утром она ведет в туалетную комнату. Здесь я тоже – единственный хозяин, насколько приходилось замечать. Может быть, чья-то еще дверь по утрам выводит именно сюда, но мы никогда не встречались. И следов этого некто я тоже не встречал. Зеркало всегда безукоризненно чисто, зубная щетка лежит там, где я ее оставил. Кстати, проблемы с зубами, которые начали возникать у меня до отсева, как-то сами разрешились уже в первый день безвременья. Я как-то чудесно обнаружил, что зубы мои целы, не болят, не шатаются, и пребывают в здравье здоровы по сю пору.

После утреннего туалета дверь ведет в столовую. Там сытный диетический завтрак. Я никогда не наслаждался едой, и сейчас, когда моя прогрессирующая язва осталась в прошлом, я не тоскую ни по жареному мясу, ни по жирным салатам, ни по спиртному. В столовой – круглый столик, покрытый светлой скатертью, стул с высокой мягкой спинкой, всегда стоящий спиной к двери, напротив двери – огромное окно, выходящее в парк. Это не тот парк, который я вижу из окна своего кабинета. Во всяком случае, не та его часть.

После завтрака я снова вхожу в ту же дверь и оказываюсь в своем кабинете. Это – единственное место, в котором я уверен. Если туалетом, столовой и даже спальней в мое отсутствие может пользоваться кто-то посторонний, то кабинет – неприкосновенен. Я проверял это различными способами. Но здесь я их описывать не буду. Кабинет мой – моя истинная обитель. Здесь я приношу пользу тому обществу, о котором до сих пор не знаю ничего определенного и преданно служу целям, которые совершенно не понимаю. И что удивляет меня самого – это

нисколько не вредит моему самолюбию. Напротив. Тот факт, что я ничего не знаю о своих коллегам-соперникам, или что нисколько не понимаю – сделана мною работа хорошо, или плохо, оценивают мои заслуги или нет, успокаивает удивительно. Бывают моменты, когда я получаю поощрения от своих неведомых хозяев. Например, эта тетрадь, или апельсин, поданный мне как-то к завтраку, или прогулка под цветущими липами летним полднем сколько-то времени назад. Раньше, кстати, у меня была жуткая аллергия на липовый цвет. Простые человеческие радости.

Работа моя, в сущности, имеет мало общего с тем, чему меня учили в институте. Фактически, я занимаюсь ботаникой. Вообще, я ей занимаюсь с самого конца времен... с самого Отсева. Сначала мы, кажется, пололи картошку и собирали колорадских жуков. Потом, наверное, это была свекла. В институте я каждый раз умел избежать колхоза, здесь сначала даже об этом жалел. Были тут какие-то травы, какие-то мерзкие цветы, какие-то кормовые кукурузы, наверное. Но все прошло, и теперь мое призвание – зерна.

Мой рабочий день начинается с того, что я осматриваю побеги. Если я вижу, что корневая система побега достаточно укрепились, и побег подготовлен для пересадки в емкость большего объема, я вешаю на него специальную бирку. После обеда его уже нет на месте. Потом я проверяю побеги, пересаженные из раствора. Если тип почвы и освещения угадан верно и растение прижилось, регистрирую в журнале. Я разработал целую таблицу классификации зерен, и вторую, в которой помечаю для себя, конечно, какой тип почвы, освещения и режим полива лучше подходит разному типу зерен. Сначала я пользовался этой таблицей, не надеясь на свою память. Но теперь перестал. Теперь сверяюсь с ней механически, заранее зная ответ, и зная, что ответ правильный...

Потомство¹

Три дня не заглядывал в дневник. Перечитал – скучно. Нужно отвыкать от привычки писать для потомства. Здесь никто ничего не прочтет. Мне начинает казаться, что механизм сломался. Философы были правы – объективно невозможно доказать существование другого человека, даже если каждый день на него наталкиваешься. Я – единственный человек в мире, и других нет и никогда не было. Мое сознание придумало их в пору незрелости, а потом, созрев, избавилось от них. От других. Сознание – тоже зерно. Оно должно быть брошено под спуд, в землю, в коллектив, чтобы умереть. Отказаться от себя, а потом прорости и освободится от навязанного вязкого коллектива. Может быть, я сижу в сумасшедшем доме, и мое сознание скрывает от меня других людей?

Нет, стоп. Так много до чего можно дописать. Собственно, написать я хотел совсем не это. Перечитав написанное, я решил, что буду отмечать здесь только неожиданные происшествия. Только те вещи и происшествия, которые не укладываются в мою повседневную жизнь. И НИКОГДА не буду писать для потомства!

Музыка!²

С детства считал себя к музыке равнодушным. И тут на тебе. Оказывается, я в себе ошибался. Как много еще сюрпризов таю я для себя... Сидел второго дня и работал над очередным зерном. И вдруг откуда-то сверху, прямо с потолка, полилась музыка. Кажется, это было что-то из классики. Скрипки, пианино, какие-то дудки. Родители пытались отправить меня в музыкальную школу, но все было бесполезно... Те два года, что я просидел за пианино, заставили меня возненавидеть любую музыку. Точнее, я так думал. И вот раздался щелчок и с потолка полилась музыка... Это было... прекрасно. Я даже забыл дышать. И слезы... Не понимаю, как я в ту жизнь не понимал... я бросил зерно, сел на подоконник, вывернул оконный рубильник на минимум, дышал осенним воздухом, слушал музыку и плакал. Она была огромна, велика и бессмертна, эта музыка. Мне даже захотелось вдруг закурить...

Не знаю сколько это длилось. Но я впервые в жизни понял, что значило избитое и сладенькое словосочетание «сладкая пытка». Раньше оно казалось мне бессмысленным и нелепым. Нет. Здесь слова возвращают себе свой смысл, потому что некому их затаскивать...

Сейчас, когда прошло некоторое время, меня начали мучить сомнения. Что это было? Награда честному дисциплинированному труженику за работу? Техническая ошибка? Или очередной эксперимент? Если эксперимент, то что проверяли? Ностальгию? Или измеряли духовные потребности? Или они нашли музыку и теперь пытаются понять, что это такое? Или все-таки награда. А может быть они что-то отмечали? Или их дьявольская машинка выдала очередную случайную комбинацию элементов... Если у них вообще есть понятия случайности. Уж очень... аккуратно они работают с тем, что считают материалом... с нами.

¹ Начиная с этого места человек ставит своеобразные заглавия, выписывая их на поля, а после – включая в текст. Не всегда между текстом есть пробелы. Очевидно, он писал так, как шла мысль а позднее, на этапе редактуры (которой в оригинальном тексте – большое множество), ставил уже заголовки. Для удобства чтения мы взяли на себя смелость не выносить заголовки на поля, а выделять их как положено. Однако, все такие случаи будут прокомментированы.

² Заголовок автора

Липовая аллея³

Помню другой случай. На обеденный перерыв дверь как всегда открылась. Я вышел, и попал на липовую аллею. Липы были в самом цвету, сладкий аромат стоял между столетними деревьями. Аллея была длинная, тенистая, вся в мареве и пятнах полуденного солнца. С одной стороны аллеи шел тенистый молчаливый лес, а с другой – широкое поле, дышащее разнотравьем и трещащее кузнечиками. Я стоял на аллее, смотрел в поле, и даже различил где-то вдали блеск водной глади. Стоял, пока не почувствовал, что не избежать удара, если постояю здесь еще. Я отошел в тень, прошелся по аллее один раз, другой. Сперва я был ошарашен, оглушен и почти задушен звуками, запахами и бесконечностью пространства. Потом мне показалось, что они решили меня бросить, оставить одного, без пищи, крова над головой, но потом увидел, что там, откуда я вышел, стоит затейливая чугунная решетка, в которой помигивает зеленым глазом огонек. Они меня не думали бросать.

Следующей мыслью было – бежать! Бежать по полю, бежать к реке, или бежать в лес. Они, наверное, погонятся... Они, наверное, усыпят, свяжут и унижат. И в униженном виде доставят назад. И будут сидеть за мониторами почему-то я не сомневаюсь, что за каждым моим шагом следят и смеяться над неуклюжим человеком, который бежит, продирается через траву по грудь, потеет. А за ним никто не гонится. Это были страшные и сладкие минуты борьбы с собой. Помню последний раз такое в юности, когда стоишь на карнизе крыши, и знаешь, что в любой момент можешь сделать шаг вперед и кончить это пошлую комедь, и вроде уговариваешь себя не делать этого, говоришь себе, что карниз от нас никуда не уйдет, а в глубине души все равно стоит страж, который крепче всех стражей держит... Я тогда говорил себе, что это интерес. Как в театре – посмотреть, что дальше будет. А тогда, на липовой аллее я понял, что это – страх, страх быть смешным. А может страх смерти? Не знаю... Мне все-таки кажется, что смерть тут не при чем. Было нестерпимо представить, что мой дух будет ходить вокруг смешно упавшего тела... А может... Наверное, я все-таки про смешно придумал тогда... когда мне дали погулять по аллее... Потому что они меня бы точно не убили. Кто бы разбирал им зерна?

Эх, самообман... Нужно, необходимо чувствовать себя нужным. Другой бы такой же разбирал. В общем, прошелся я по аллее в одну сторону, в другую, постоял, глядя в поле, поборолся с собой, промочил потом рубашку, и как только запикала лампочка над входом, как миленький вошел в дверь и оказался в душе.

И до сих пор гадаю я – награда это была, наказание, или очередное испытание – проверка на лояльность. Может быть, вдоль аллеи стояли силовые барьеры, как на окнах, и бился бы я об них, как муха, и веселил бы тюремщиков. Если они вообще тюремщики, и если у них есть чувство юмора... Если это не я сам гоняю себя по лабиринту... Боже, ну хоть один намек, хоть одну подсказку, хоть какую-то определенность. Хотя бы – что они хотят. Или кто они, и есть ли они вообще? Или – что произошло? Хоть что-нибудь, Господи!

³ Заголовок автора, отбивка редакции

Другой

Сегодня произошел со мной случай экстраординарный. Что о нем думать, и как расценивать его – не знаю. Руки трясутся, голова как в тумане. Нужно отвлечься, нужно успокоить мысль, я не могу идти говорить с ним в таком состоянии... Кажется, что все же я не одинок, и не мое сознание создало идеальный мир. Тут есть еще люди, рядом – за стеной! Они также трудятся... Но, все по порядку! Обязательно нужно отвлечься!⁴

Однажды прислано было несколько зерен странного вида. Что именно в них было странно, сказать затрудняюсь. Слишком правильная форма, глянцеви́тый, почти металлический блеск, они были похожи на... пули, или на наконечники стрел, или на ракеты, стоящие на крыльях, как их рисовали в книжках раньше. У них было три грани, нос острый, почти неверное об него можно уколоться до крови, а на обратной стороне грани имели ножки, или волосинки, в общем, что-то, на чем семя могло стоять, как маленькая ракета, готовая к взлету. Не помню, тогда ли мне показалось, что это семена растений-хищников, или потом я придумал себе это предчувствие...

В общем, было их немного, видел я их впервые, и на полноценное исследование почв их не хватало. В результате я решил рискнуть, и рассадил их не по полной программе – т.е. не с чередованием типов почв, освещения и полива, а так, как, согласно моему опыту чаще всего прорастали растения. т.е. посмотрел свой частотный план, и выбрал наиболее удачные для семян сочетания.

Одно зернышко, однако, отложил в сторону, чтобы позднее, как появиться время, зарисовать и описать его. Все семена погибли. Тогда последнее семя я посадил в ту конфигурацию, которая, на была наименее вероятна. И оно-то и выжило. Отчасти для того, чтобы познакомиться ближе с этим отклонением, отчасти из любопытства, когда росток показался над поверхностью гравия, я не пометил его для отправки.

Росток быстро набрал силы, окреп, правда, имел нездорово-желтоватый окрас листьев, пока я не догадался поместить его в тень. Там он окрасился красновато-зеленым, и очень скоро стало очевидно, что маленького горшка ему недостаточно. Корни полезли наружу, зеленоватые, плотные, покрытые как будто мелкими чешуйками. Однажды, вытаскивая из затемненного ящика очередную порцию ростков на отправку, я обнаружил, что корни не только вылезли из горшка, но и залезли в два соседних, буквально задушив местных жителей.

Я задумался. По внешнему виду это растение не напоминало ни одно из известных мне растений. Могу допустить, что в джунглях Амазонки или в джунглях могут существовать подобные хищники, не открытые в свое время земной ботаникой, или просто мне не известные. Но с ним определенно надо было что-то делать.

Сперва хотел отправить его как обычный саженец. Потом подумал про того человека, который получает мои ростки (если, это, конечно, человек, и если он действительно что-то получает), в общем – решил, что раз я этого монстра вырастил, мне с ним и возиться. Изолировать его от других растений и перенес на свой рабочий стол. На столе, с корнями, висящими до стола, с листвой, которая за два дня стояния на свету стала мертвенно-зеленого цвета, росток производил тягостное впечатление. Кроме того, на свету он начал испускать сильный аромат, липкий и тяжелый.

⁴ Первый абзац написан нервным почерком, торопливым и неразборчивым. В рукописи он длиннее и заполнен многочисленными восклицаниями и зачеркиваниями. Мы взяли на себя смелость сократить невнятный текст, сжав его до нескольких предложений, содержащих основную мысль и эмоциональный посыл. Некоторые строки, содержание которых разобрать не удалось, выпущены.

Тогда я подумал было пересадить его в раковину и накрыть хоть халатом. И вот, когда я стоял у раковины, прикидывая, хватит ли мне имеющегося грунта (к счастью для ростка, в таком типе почв редко что прорастало), вдруг заметил краем глаза движение.

Повернулся направо – там вообще-то стена, точнее – я думал, что там глухая стена. Потому что увидел, что это – совершенно прозрачный прямоугольник, стекло, вставленное в стену. Я видел, как в соседнюю комнату вошел невысокий, чуть сутулый седой мужчина. Он был одет в короткий светлый плащ, кажется, и темные брюки. Зайдя, он не обратил на меня никакого внимания, повернулся ко мне спиной, при этом половина его исчезла, и я понял, что он вышел за пределы видимого пространства. Он видимо мыл руки. Очевидно, кабинет его был полной копией моего кабинета.

Сперва я шарахнулся от стекла, забыв о растении... сердце стучало, руки тряслись. Человек. Уже тысячу лет, наверное, не видел я живого человека. Это собеседник, это друг! Конечно, он такой же узник, как и я, но... Как много но! Сердце успокоилось, пойду говорить с ним...

А нужно ли? Захочет ли он со мной разговаривать? Не испугаю ли его? Да и полно. Не показалось ли мне... сколько дней провел в кабинете, и ни разу не видел там даже тени... или они опять решили пошутить. С другой стороны, сколько помню, не особо туда заглядывал. Но почему так тихо. Почему не слышно шума воды, шума шагов – ведь не слышал же, или просто не помню... А второй проем – он тоже дверь? Да и дверь ли? Не зеркало, не обман? Единственный путь – встать и проверить. Но как страшно! Как бьется сердце при одной мысли... Успокоится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.